

Мечты Польши о статусе сверхдержавы возрождаются спустя столетия

В глазах многих западноевропейцев Польша до недавнего времени считалась бедной страной с незначительным влиянием. Однако в войне против России Польше пришлось неизбежно взять на себя ведущую роль.

Стефано ди Лоренцо

птн 31 окт 2025

Вступительное замечание

Когда несколько недель назад, в сентябре, группа предположительно российских беспилотников нарушила воздушное пространство Польши, премьер-министр Польши Дональд Туск объявил это самым опасным моментом со времен Второй

мировой войны. Это заявление могло показаться драматическим преувеличением, но оно отражало постоянное чрезвычайное положение, в котором Польша живет в последние годы. Независимо от того, насколько достоверна официальная версия инцидента, нельзя игнорировать лежащую в его основе реальность: в конфликте между Россией и Западом Польша стала государством, находящимся на передовой. Война в Украине сместила геополитический центр тяжести Европы на восток, и немногие страны претерпели столь глубокие изменения в результате этого сдвига, как Польша.

Расширение НАТО

Это развитие событий началось не в 2022 году. С момента расширения НАТО в 1999 и 2004 годах Польша считает себя аванпостом Запада на границе с потенциально враждебным Востоком. Расширение альянса принесло формальные гарантии безопасности, но также сделало регион прямым участником стратегической конкуренции между Вашингтоном и Москвой. [Западная одержимость идеей интеграции Украины в НАТО](#) — формальной или неформальной — давно рассматривается в Варшаве как неизбежный шаг к «завершению» Европы. Но то, что должно было гарантировать безопасность Украины, спровоцировало Россию — классический пример [дилеммы безопасности](#). Однако польское руководство интерпретировало войну не как провал сдерживания, а как доказательство своих давних предупреждений: Россия, по их мнению, никогда не менялась, и только сила могла ее сдержать. Некоторые могут видеть это по-другому: [недавние комментарии бывшего канцлера Германии Ангелы Меркель](#) предполагают, что Польша и страны Балтии частично виноваты в войне на Украине из-за своей агрессивной и бескомпромиссной позиции. Реакция в Польше была предсказуемо резкой: трудно описать Меркель как друга России, но [в Польше именно так и поступили](#).

«Вы забыли о Польше»

Таким образом, роль Польши в украинском конфликте была решающей. Польша стала крупнейшим логистическим центром для поставок западного оружия в Украину, и через ее территорию на восток постоянно поступает все более современное вооружение. Российские стратеги теперь считают, что они воюют не только против Украины, но и против НАТО в целом, а Польша служит физическим и символическим плацдармом. «Если мы посмотрим на киберпространство, то

Польша сейчас находится в состоянии войны с Россией», — сказал глава Бюро национальной безопасности Славомир Ценкевич [в интервью Financial Times](#). «Это уже не просто угроза».

До недавнего времени отвергаемая западноевропейцами как бедная посткоммунистическая периферия, Польша сегодня является одним из самых амбициозных центров власти на континенте. В ее новой позиции прослеживается намек на «имперский комплекс» — чувство исторической оправданности в сочетании с миссионерским рвением. В отличие от Германии или Франции, прошлое Польши не обременено колониальной виной или военными преступлениями. Исторический нарратив — это нарратив жертвенности и сопротивления, нарратив о нации, которая боролась за свободу и теперь является ее защитником. На протяжении всей истории Польша часто видела себя «Христом наций», и даже сегодня история — это далеко не тень, от которой хочется убежать: это моральный ресурс, который используется как оружие.

Судьба Польши всегда определялась географическим положением. Расположенная на Северо-Германской равнине, без гор и морей, которые могли бы защитить ее от врагов с востока или запада, Польша на протяжении веков находилась в зависимости от своих более сильных соседей. Ее границы менялись, исчезали и появлялись вновь, но ее стратегическая уязвимость никогда не исчезала. Как гласит пословица, «география — это судьба».

Нынешний момент отражает старые традиции польского стратегического мышления. Такие концепции, как «Интермариум» и «прометеизм», вновь появляются в новых формах. Немногие люди в Западной Европе знакомы с этими фундаментальными идеями, которые формировали польскую внешнюю политику в прошлом и продолжают вдохновлять ее сегодня.

Польша еще не потеряна

Для многих жителей Западной Европы и Америки история кажется далеким воспоминанием, в значительной степени забытым прошлым, которое имеет мало отношения к нашему нынешнему «пост-историческому» моменту. В отличие от этого, история в Польше (как и во многих частях Центральной и Восточной Европы) — это не просто фон: она тщательно культивируется и мифологизируется как центральный инструмент формирования национальной идентичности. Польша исчезла с карты Европы на 123 года (1795–1918) в результате трех разделов Речи Посполитой Россией, Пруссией и Австрией, а сорок лет коммунизма до 1989 года

являются периодом, который сейчас в Польше считается «советской оккупацией» и потерей суверенитета. Едва оправившись от этой травмы, Польша особенно чувствительна к опасностям истории.

Фигурой, которая наиболее ярко символизирует восстановление польской государственности после Первой мировой войны, является Юзеф Пилсудский, почитаемый в Польше как настоящий национальный герой. Родившийся в 1867 году в части Польши, находившейся под властью России, он был глубоко вовлечен в польские националистические и социалистические движения. С возрождением Польши в 1918 году Пилсудский занял ведущие позиции: он стал главой государства («Naczelnik Państwa») и главнокомандующим вооруженными силами. В 1920 году он был назначен маршалом Польши (Marszałek Polski), и этот титул отражал как его военное лидерство, так и его центральную роль в обеспечении независимости Польши.

Вскоре после обретения независимости, в 1919 году, разразилась польско-советская война за спорные территории. В Восточной Европе границы не были определены в Версальском договоре мая 1919 года. Советский Союз был создан всего шестнадцать месяцев назад и находился в состоянии гражданской войны, в то время как Польша хотела обеспечить безопасность своих новых восточных границ. Большая часть боевых действий происходила на территории Украины, на которую Польша претендовала, несмотря на то, что потеряла ее триста лет назад. Пилсудский сыграл важную роль в польско-советской войне, особенно в решающей битве за Варшаву (1920 г.), которую иногда называют «Чудом на Висле», когда польские войска отразили советское контрнаступление.

В мае 1926 года Пилсудский осуществил государственный переворот (Майский переворот), в ходе которого его сторонники свергли гражданское правительство. Он не принял титул президента, но осуществлял авторитарный контроль над Второй Польской Республикой и руководил политикой через режим, известный как «Санация», вплоть до самой смерти в 1935 году.

Прометей между морями

Концепция Междуморье (лат. *Intermarium*, «между морями») возникла после Первой мировой войны как грандиозная геополитическая идея Юзефа Пилсудского и его окружения. Она предполагала создание федерации или, по крайней мере, тесного сотрудничества между государствами Центральной и Восточной Европы, простирающимися от Балтийского моря до Черного моря и, потенциально, до Адриатического моря — современное возрождение духа старой Речи Посполитой. Стратегическая логика была ясна: находясь между возрождающимися державами

Германии и России, сеть союзных государств обеспечила бы взаимную безопасность, политическое влияние и региональный противовес амбициям великих держав.

Однако проект «Междуморье» так и не был полностью реализован в межвоенный период. Сильное сопротивление со стороны нескольких игроков, в том числе Советского Союза, скептически настроенных западных держав и местных национальных движений, опасавшихся польского господства, подорвало любые шансы на создание жизнеспособного союза. Литва отказалась участвовать в проекте из-за опасений польской гегемонии, а Украина и Беларусь заняли неоднозначную или враждебную позицию, стремясь к полной независимости, а не к подчинению блоку под руководством Польши. Внутри региона разнородность — различия в политических системах, экономическом развитии, внешнеполитических альянсах и продолжающиеся пограничные споры — оказалась слишком велика, чтобы ее можно было преодолеть. По мере укрепления власти Германии и Советского Союза в 1930-е годы предложенная федерация утратила свою жизнеспособность и в конечном итоге поддалась ограничениям и расколам той эпохи.

Прометеизм был вторым центральным столпом внешней политики Пилсудского в межвоенный период. Его целью было ослабление России путем поддержки национальных движений за независимость нерусских народов, находившихся под ее властью. Этот проект имел несколько аспектов: политический, культурный, разведывательный и военный. Польша поддерживала правительства в изгнании (Украины, Грузии, Азербайджана, частей Кавказа и Туркестана и т. д.), финансировала секретные или полусекретные организации, а в некоторых случаях помогала формировать военизированные формирования, которые могли бы вмешаться в случае падения центральной власти в Москве. Сюда входил так называемый **Волинский эксперимент**, в рамках которого польская политика стремилась укрепить лояльность украинских меньшинств в Польше путем толерантного отношения к языку и религии, чтобы поддержать прометеевскую цель подрыва советского контроля.

Варшавский договор, подписанный в апреле 1920 года между Польшей и Украинской Народной Республикой под руководством Симона Петлюры, является конкретным проявлением прометеизма в действии: Польша признала независимость Украины и предоставила ей военную помощь, чтобы создать дружественное буферное государство на востоке, а не позволить Советскому Союзу восстановить свое господство непосредственно на границе с Польшей. Пилсудский

рассматривал суверенитет Украины не как моральный вопрос, а как жизненно важный фактор в интересах Польши. Ему приписывают слова: «Не может быть независимой Польши без независимой Украины».

Проекты «Междуморье» и «Прометей» были разработаны в межвоенные годы, и хотя они были слишком амбициозными для своего времени, их логика остается актуальной. Сегодня это проявляется в сотрудничестве в рамках [«Инициативы трех морей»](#), инфраструктурного и энергетического проекта, связывающего Центральную и Восточную Европу, а также в тесных отношениях Варшавы с странами Балтии, Румынией и, конечно же, самой Украиной.

Отголоски прометеизма можно увидеть во внешней политике Польши в отношении Украины, Беларуси и Грузии. Польша решительно поддерживает новую антироссийскую Украину со времени революции Евромайдана в 2014 году, и тем более с начала последней фазы войны в Украине в 2022 году. В случае с Беларусью Польша поддерживает оппозиционные движения, выступающие против нынешнего правительства президента Александра Лукашенко. Отношения Польши с Грузией также включают сотрудничество и выражение поддержки ее «независимости» и евроатлантической интеграции. Эти действия не мотивированы альтруизмом, а скорее стратегическими расчетами: безопасность Польши связана с выживанием независимых антироссийских государств на востоке. Поддерживая их, Польша помогает сохранить буферную зону против России.

Память о «Кресах» — восточных приграничных землях старой Речи Посполитой — продолжает находить отклик в польской политике. Эти территории, которые сейчас входят в состав Украины, Беларуси и Литвы, когда-то считались сердцем цивилизационной миссии Польши, авангардом латинского христианства против православия и степей. Они были ареной трагедий, депортаций и кровопролитных конфликтов. Хотя современная Польша не стремится к территориальным изменениям, ее культурные и исторические связи с Кресами определяют ее отношение к Востоку.

Сейчас, когда отношения между Польшей и Россией кажутся непоправимо испорченными и, вероятно, останутся таковыми в течение длительного времени, стратегической целью Польши, по-видимому, является установление нового «железного занавеса» дальше на восток, отрезающего ее соседей от России, с тем чтобы полностью изолировать Россию от Европы. Например, Польша была одним из самых ярых противников газопровода «Северный поток», который должен был поставлять газ напрямую из России в Германию, минуя Польшу.

Польша и Запад

Польско-германские отношения также иллюстрируют парадокс географии. Польша не может избежать экономического влияния Германии. Ее экспорт направляется на запад, в то время как ее проблемы безопасности связаны с востоком. Польская экономика процветает на едином европейском рынке, но польская политика безопасности часто вступает в противоречие с более осторожным, экономически ориентированным подходом Берлина. Германия раньше рассматривала Россию как проблему, но также и как потенциального партнера в области энергетики; Польша, с другой стороны, всегда рассматривала Россию как экзистенциальную угрозу. Это расхождение носит структурный характер и объясняет, почему Польша настаивает на более глубоком участии НАТО и США на ее восточном фланге.

Для Польши «Инициатива трех морей» служит геополитической основой для ее стремления занять лидирующую роль в регионе. Варшава представляет ее как проект европейской сплоченности, но она также служит платформой для демонстрации независимости от Берлина и Брюсселя. Тесное партнерство с США имеет решающее значение: Вашингтон решительно поддерживает эту инициативу, чтобы укрепить влияние США в Центральной и Восточной Европе и одновременно подорвать доминирование Франции и Германии в политике ЕС. Таким образом, Польша выступает в качестве связующего звена, которое приносит американскую мощь в сердце континента — роль, которая укрепляет как ее самооценку, так и ее зависимость от поддержки США.

Эти «особые отношения» между Польшей и США в настоящее время являются одним из определяющих факторов европейской геополитики. Они выходят за рамки партийной политики в обеих странах. Американские солдаты постоянно дислоцируются на польской территории; польская армия вооружена американским оружием; сотрудничество в области разведки и кибербезопасности стало более тесным, чем когда-либо прежде. Модернизация польской обороны — это, по сути, программа, разработанная США и финансируемая польскими налогоплательщиками. Этот союз является не только стратегическим, но и идеологическим. Польша видит в США воплощение свободы и силы, а многие американцы считают Польшу самым верным союзником Европы, не запятанным декадансом и двусмысленностью старого Запада.

Для Вашингтона это партнерство является надежной альтернативой нерешительным крупным державам Западной Европы. Пока Берлин ведет дискуссии, а Париж строит теории, Варшава действует. Готовность Польши напрямую противостоять России — в политическом, военном и риторическом плане — соответствует стратегии сдерживания США. Во время первого президентского

срока Трампа эти отношения приобрели почти личный характер: во время своего первого зарубежного визита в 2017 году Трамп посетил Варшаву, где выступил с одной из своих самых идеологических речей, восхваляя польский патриотизм и христианскую цивилизацию как образец западной стойкости. При Байдене наступило самое серьезное испытание: каждое важное решение Запада по Украине проходит через Варшаву; каждая крупная поставка оружия проходит через ее территорию.

Но эта близость имеет и свою цену. Приняв на себя роль «непотопляемого авианосца» Америки, Польша утратила свою автономию во внешней политике. Предыдущие конфликты с ЕС — по поводу судебных реформ, миграции и верховенства закона — ослабили ее влияние в Европе, даже несмотря на укрепление ее военной мощи. Парадокс поразителен: Польша хочет лидировать в Европе, но не доверяет европейскому проекту. Чем больше она интегрируется с США, тем меньше она вписывается в логику Брюсселя. Польское правительство часто обвиняет Германию в моральной трусости и стратегической наивности, но собственная стратегия Польши зависит от внешней силы.

Сделаем Польшу снова великой

Расходы Польши на оборону выросли до уровня, беспрецедентного для Европы в мирное время. В 2024 году военные расходы Польши выросли примерно до **38 млрд долларов** (около 4,2 % ВВП), и правительство планировало их дальнейшее увеличение, с официальными целями и публичными заявлениями о ~4,7 % ВВП в 2025 году и **политическими дискуссиями о 5 % к 2026 году**. Это делает Польшу одним из членов НАТО с самой высокой долей расходов на оборону в ВВП и поддерживает исключительно масштабную и быструю программу закупок и наращивания вооруженных сил.

Численность войск и личный состав массово увеличиваются. По официальным и независимым данным, численность действующего личного состава составляет около 200 000–206 000 человек, при этом ставится цель расширить профессиональную армию и резервы, чтобы значительно увеличить общую численность личного состава (в конечном итоге планируется мобилизовать около 300 000 человек после создания полноценных резервов и систем добровольцев). Для управления этим расширением Варшава объявила об амбициозной программе обучения граждан — начиная с 2027 года, 100 000 добровольцев будут проходить военную подготовку каждый год, и тысячи уже записались на добровольное обучение в 2025 году.

Польша закупила и получила большие современные единицы танковых и артиллерийских систем. Варшава приобрела у США 116 модернизированных танков M1A1 «FER» Abrams (поставка в 2024 году) и разместила крупный заказ на 250 новых танков M1A2 SEPv3 Abrams (поставка в 2025 году), что означает, что по завершении программы Польша будет эксплуатировать около 366 танков Abrams. В то же время в рамках отдельного пакета поставляются южнокорейские системы — танк основной боевой машины K2 «Black Panther» (часть сделки на 180 танков) и большое количество 155-мм самоходных орудий K9 и связанных с ними ракетных систем. Эти закупки превращают Польшу в одну из самых хорошо вооруженных и оснащенных современным оружием стран Европы.

Модернизация военно-воздушных сил является еще одним важным направлением. Программа Husarz предусматривает поставку 32 самолетов F-35A (соглашение подписано в 2020 году), которые начнут поставляться в страну в 2026 году; подготовка пилотов уже ведется. В то же время польские ВВС модернизируют существующий парк (крупные программы по модернизации F-16), чтобы обеспечить промежуточные возможности до развертывания F-35. Эти шаги дают Варшаве надежный путь к развертыванию в ближайшие годы ограниченного числа самолетов-невидимок и сетевого превосходства в воздухе, дополняющего западные дальнобойные вооружения и датчики.

Системы противовоздушной и противоракетной обороны активно укрепляются. Польша давно инвестирует в батареи Patriot (национальное производство и пусковые установки обеспечены контрактами), интегрированные союзные системы Patriot и другие системы противовоздушной обороны, а также приобрела несколько дополнительных систем. Партнеры по НАТО также предоставили системы Patriot/наземной противовоздушной обороны и развернули союзные батареи.

Это массивное перевооружение — не просто реакция на войну в Украине. Уроки 1939 года, когда западные гарантии не смогли предотвратить катастрофу, глубоко укоренились в национальном сознании. Военная трансформация Польши имеет непосредственные геополитические последствия.

Польша не считает себя просто буфером. Она активно формирует стратегии, добивается большей поддержки для Украины, призывает к более жестким мерам в отношении России и предупреждает о риске утомления Запада. Но программа вооружения Польши является дорогостоящей и политически рискованной — расходование 4–5 % ВВП на оборону в течение многих лет требует либо постоянного роста, либо болезненных решений в области финансов.

Сегодня Польша отличается тем, что она не просто хочет защищаться, но и стремится участвовать в формировании европейской стратегии. Она призывает своих союзников сохранять «стратегическое терпение» до полного разгрома России. Ее тон морален и воинственен, он продиктован убеждением, что история вновь испытывает волю Европы.

Это историческое сознание отличает Польшу от Западной Европы, где война давно считается анахронизмом. В Варшаве история — это не бремя, от которого нужно избавиться, а источник легитимности. Память о разделах, восстаниях и десятилетиях советского правления сформировала коллективный дух бдительности. Польский гимн начинается со слов «Польша еще не погибла» — фразы, выражающей одновременно страх и непокорность. Выживание нации не считается само собой разумеющимся; его необходимо постоянно подтверждать силой.

В то же время романтический национализм, который когда-то вдохновлял сопротивление, теперь подпитывает своего рода геополитическое мессианство. Польша видит себя не только жертвой, но и спасительницей Европы — нацией, призванной защищать других от их иллюзий. В этом видении Германия слаба, Франция декадентствует, ЕС бюрократичен, и только Польша понимает моральную ясность момента. Такое самовосприятие придает внешней политике оттенок праведности, но и нетерпеливости. В высказываниях Меркель содержалась более глубокая правда: новая мощь Польши является результатом не консенсуса, а конфронтации.

Если когда-то Черчилль насмехался над межвоенной Польшей, называя её «гиеной Европы» и обвиняя в оппортунизме и экспансионизме, то современная Польша стремится быть львом Европы — смелым, дисциплинированным и незаменимым. Но грань между героизмом и высокомерием тонка. Настойчивость Польши в стремлении к постоянной эскалации в Украине грозит истощить население западных стран и вызвать раскол внутри НАТО.

Тем не менее, логика нынешнего курса Польши неопровержима. Ее лидеры считают, что безопасность Европы гарантируется сдерживанием силы, а слабость приводит к катастрофе. Массивное перевооружение страны, ее идеологическое рвение и союз с США — все это выражение исторического убеждения: только сила гарантирует выживание. Возможно, это не самая мудрая стратегия.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Меркель, Ангела Таск, Дональд Ченкевич, Славомир Пилсудский, Юзеф Европа
Польша Россия Украина НАТО Петлюра, Саймон Черчилль, Уинстон

